

вины III в. до н. э. производство черепиц как в Синопе, так и на Боспоре постепенно замирает и почти совсем исчезает. Большинство черепичных клейм Херсонеса по характеру букв, по эпиграфическим данным и археологическим комплексам можно отнести ко времени от конца IV и до конца III в. до н. э. Следовательно, черепичное производство в Херсонесе возникает еще в IV в. до н. э., но интенсивная деятельность его относится к концу IV и середине III в. до н. э.

С конца III в. до н. э. производство черепиц в Херсонесе постепенно замирает и в середине II в. до н. э. оно, очевидно, прекращается.

Р. Б. Азмеров

К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири

Пути формирования современного населения Евразии еще многие годы будут волновать исследователей различных специальностей.

За последнее время немало нового в этом вопросе принесли археологические и палеоантропологические исследования. В частности, антропологом Г. Ф. Дебецом была установлена локализация расселения монголоидного и европеоидного населения. Оказалось, что уже с палеолитических времен таежные зоны Сибири к востоку от Енисея и к северу, примерно, от линии Сибирской магистрали были заняты племенами явно монголоидными, близкими по типу тунгусам. Наоборот, степная зона Сибири, начиная с Минусинской котловины на востоке, через Алтай и пространства Западной Сибири и Казахстана была издавна занята населением палеоевропейского типа, которое, повидимому, явилось производным от кроманьонцев палеолитической эпохи. Палеоантропологические остатки представителей этих сибирских «палеоевропеоидов» восходят к большой древности—к концу неолита Сибири в III тысячелетии до н. э.

Раскопками советского периода установлено, что древнейшие из известных палеоевропейских племен сибирских степей были носителями так называемой афанасьевской культуры. Первые афанасьевские могильники были открыты в Минусинской котловине еще в 1922 г. За двадцать пять лет число их неуклонно увеличивается. Сейчас уже довольно подробно известны оставившие их люди. Это были первые скотоводы Южной Сибири, разводившие коров, лошадей, овец и коз, но еще не отставшие от более древних промыслов—рыболовства и, конечно, охоты. Они ознакомились с медью, из которой выделывали украшения—спиралевидные серьги, обоймы, пояса, оковки деревянной посуды, а главное—листовидные ножи, а позже и кинжалчики копьевидной формы. Однако основной набор орудий афанасьевцев среднего Енисея выделывался из камня—прекрасные клиновидные топоры, долота, колотушки для руды, боевые секиры, песты и, конечно, наконечники стрел. Кость также служила материалом для различных изделий—игольников и иглол, шильев и украшений. Шел в дело и рог.

Весьма своеобразна глиняная посуда афанасьевского Енисея. Главную массу составляют круглодонные, яйцевидные и сферические горшки, емкостью в 2—4 литра. Обычно они украшены «елочным» чеканным орнаментом, а внутри тщательно вытерты зубчатой лопаточкой или комком травы. По своей форме и орнаментации эти сосуды напоминают неолитические лесной зоны Восточной Европы, но особенно близки к горшкам из энеолитических так называемых древнеямыных погребений степей Причерноморья. Однако вместе с такой архаической афанасьевской посудой найдены своеобразные вазочки на конической ножке, служившие курильницами. Они весьма близки к курильницам из нижневолжских и северокавказских так называемых катакомбных погребений первой половины II тысячелетия до н. э. Что это сходство не случайно, подчеркивают и другие совпадения—каменные колотушки и песты, медные

копьевидные кинжалчики и листовидные ножи, также характерные для катакомбного инвентаря.

Особый интерес представляет изредка встречающаяся окраска афанасьевской посуды. Обычно это однотонная красная окраска курильниц, но однажды встретилась разноцветная роспись протянутыми сверху вниз по горшку «лесенками», окруженными треугольными городками. Эта роспись имеет аналогии в культурах «крашеной керамики» на Западе и на Юге. В Триполье, например, встречаются и лесенки и городки¹. Близкое применение этих узоров встречаем также и в Сузах и в Анау². Для расписной керамики Триполья и Средней Азии характерно деление поверхности сосуда на части протянутыми сверху вниз лесенками, змейками, гирляндами ромбов и линиями, иногда обрамленными такими же треугольными городками, как и на афанасьевском сосуде.

Облик культур, разделяющих Сибирь от Триполья, едва ли позволяет видеть в афанасьевской росписи отражение каких-то связей с далеким Западом. Иное дело Средняя Азия, тем более, что здесь роспись оказывается не единственным показателем связей афанасьевского населения Минусинской котловины с юго-западом, с Приаральем. В афанасьевских погребениях на среднем Енисее были найдены просверленные раковины *Corbicula fluminalis*, украшавшие ожерелья. Эти раковины могли попасть на Енисей только при наличии у афанасьевцев каких-то связей с племенами, обитавшими на Аму-Дарье, наиболее близкой из всех рек, в которых водится этот пресноводный моллюск.

В связи с этим особо следует упомянуть об одном афанасьевском сосуде из Сыды, который имеет резные фестоны и полукруглые вдавления, не характерные для Енисея, но близкие к орнаменту керамики неолита Аму-Дарьи (так называемая кельтеминарская культура³).

Подытоживая, можно сказать, что «афанасьевцы» среднего Енисея, отличаясь в физическом отношении от соседних таяжских племен, были тем первым пастушеским населением Сибири, которое к началу II тысячелетия уже выделялось «из остальной массы варваров», продолжавших жить охотничье-рыболовческим, неолитическим бытом. Все культурные связи «афанасьевцев» были направлены на запад и юго-запад, о чем говорит импорт и совпадения в инвентаре с ямно-катакомбными и среднеазиатскими формами.

Невольно встает вопрос о том, в силу каких причин могло возникнуть и этническое своеобразие афанасьевцев и их западные и юго-западные связи.

К сожалению, неизученность минусинского неолита сильно затрудняет объяснение этих явлений.

Однако едва ли прав А. П. Окладников, отрицая самую возможность связи между неолитическим населением Енисея и «афанасьевцами»⁴. Он аргументирует сравнением афанасьевской керамики с байкальской. Слов нет, здесь сходства мало, но это ничего и не доказывает. С Байкала и не выводятся черты, родственные афанасьевской культуре.

Если же приглядеться к более близким параллелям—к керамике древнейших культурных слоев Красноярского района, имеющей к тому же немало аналогий в недатированном подъемном материале с минусинских дон, то обнаруживается определенное сходство с афанасьевскими. Это отметил еще В. Г. Карцев и в форме, и в орна-

¹ «Груды XIII Арх. съезда», табл. VIII, 10, VII, 7, IV, II; Г. Осборн, Человек древнего каменного века, рис. 134, 8.

² G. Contenau, Manuel d'Archéologie orientale depuis les origines jusqu'à l'époque d'Alexandre, т. I, Paris, 1927, стр. 284 сл.; Ars Islamica, V, 1938, рис. 3.

³ С. В. Киселев, Афанасьевские курганы около с. Сыды и Теси, СА, вып., II.

⁴ Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения ИИМК», вып. IX, стр. 13—14.

менте, и в характерной «вытертости» стенок зубчатой лопаткой или травой¹. Предполагать, что это сходство является результатом влияния «афанасьевцев» (с которыми частично одновременны красноярские памятники)—затруднительно. Ряд фактов говорит о весьма позднем, лишь к концу II тысячелетия до н. э., проявлении культурного воздействия минусинского юга на красноярцев.

Это сходство в керамике поддерживается и другими фактами. Общеизвестно, что в погребениях таежного неолита Сибири, в том числе и в красноярских, распространеннейшим видом украшений являются ожерелья из зубов различных животных и сверленного перламутра. В 1940 г. в афанасьевском кургане около с. Копен мы нашли богатейшее ожерелье этого же типа. Нельзя также пройти мимо находок в «афанасьевских» курганах костяных кинжалов и кинжаловидных привесок², находящихся себе аналогию в орудиях и украшениях позднего таежного неолита³.

Таким образом, что касается археологических материалов, то в них мы не видим оснований для отрицания связи между сибирским неолитом и афанасьевской культурой на Енисее. Вполне возможно также допустить наличие в Минусинской котловине в афанасьевское время культурных комплексов, близких к одновременным неолитическим тайги. Но кто были носители этой культуры—монголоиды тайги, вытесненные в афанасьевское время европеоидами, как это получается у А. П. Окладникова, или предки «афанасьевцев»? Для решения этого вопроса недостаточно одних археологических материалов, хотя их показания и нужно учесть. Необходим палеоантропологический материал. Между тем он представлен пока одним черепом из доафанасьевского погребения, найденного в Батенях (Минусинская котловина).

По словам Г. Ф. Дебца, череп этот весьма своеобразен. Он не похож на мужские афанасьевские, среди женских же может рассматриваться как их крайняя вариация. С монголоидами таежного неолита он не связывается.

Таким образом, эта находка не противоречит тем связям с доафанасьевским неолитом, которые обнаруживаются в афанасьевских комплексах. Это же обстоятельство позволяет видеть в формировании афанасьевской культуры на среднем Енисее длительный процесс, в котором местные элементы играли не малую роль наряду с новыми, проникшими со стороны. Такая длительность начинающегося из неолита сложения афанасьевской культуры объясняет и ту поразительную чистоту афанасьевского европеоидного типа, которую Г. Ф. Дебец счистаг одним из основных аргументов против тезиса А. П. Окладникова о независимости афанасьевской культуры от местного развития⁴. Имелось достаточно время для того, чтобы даже на окраинах степного мира четко была проведена грань между афанасьевцами-европеоидами и оставшимися в неолите монголоидами тайги. Эти выводы подтверждаются и теми открытиями, которые сделали археологи на Алтае.

Здесь уже давно известны три древних погребения на Чудацкой горе около Барнаула и два на р. Ян-Улаган в горном Алтае. Особенно архаично погребение на Чудацкой горе, относящееся, судя по наличию в нем типично китайских сложных рыболовных крючков, к концу сибирского таежного неолита, близкому по времени к афанасьевским. Архаизм погребения подчеркнут и тем, что оно находилось на территории стоянки—обычай, характерный для неолитического погребения. Погребения на р. Ян-Улаган объединяет с Чудацкими отсутствие керамики, но их отличием является курганная насыпь и окраска скелетов красной охрой. Последние особенности сближают

¹ В. Г. Карцев, Материалы к археологии Красноярского района, Красноярск, 1929, табл. V, стр. 38—39.

² С. В. Киселев, Материалы археологической экспедиции в Минусинский край 1928 г., Минусинск, 1929, т. I.

³ А. П. Окладников, Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья, ВДИ, 1938, № 1, стр. 252, рис. 7—13.

⁴ Г. Ф. Дебец, Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии, «Краткие сообщения ИИМК», вып. IX, стр. 15.

Ян-Улаган и аналогичное погребение, открытое в 1927 г. на р. Урсуле, со ставшими известными с 1932 г. афанасьевскими курганами Алтая. Таким образом, типично афанасьевские курганы Алтая находятся на одной территории с более архаичными, что выгодно отличает их от минусинских.

Отметим здесь же, что костяки из ян-улаганских архаических погребений (чуждацкий скелет сохранился очень плохо) принадлежат тому же палеоевропейскому типу, что и остальные афанасьевские Алтая и Минусинска. Таким образом, на Алтае, как и на Среднем Енисее, обнаружилась традиционная связь афанасьевской культуры с неолитом и глубокая древность обитания палеоевропейцев.

Это нашло подтверждение в дальнейших находках. В 1932 г. ойротским музеем было исследовано первое типично афанасьевское погребение на урочище Куюм на р. Катунь. В 1936 г. работы были продолжены Г. П. Сосновским¹. Всего в Куюме исследовано 11 погребений под невысокими курганчиками из камней, пересыпанных землей. Частых на Енисее погребений мужчины с женщиной здесь не встречено. Лишь в двух случаях вместе со взрослыми погребен ребенок и подросток. Любопытно, что ребенок лежал сбоку женщины, но голова его, по видимому, отчлененная, была положена у нее между ног. Большинство костяков лежало на спине с согнутыми ногами, которые первоначально могли стоять коленками вверх (в двух случаях это

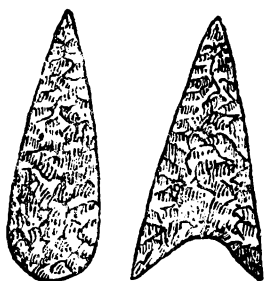

Рис. 1 б. Наконечники стрел. Верхний слой стоянки Куюм (Алтай). Н. в.

Рис. 1а. Медный нож из афанасьевского кургана в урочище Куюм (Алтай). Н. в.

и было доказано). Один человек оказался лежащим на груди, лицом вниз, в вытянутом положении. Лишь в четырех могилах покойники были окрашены охрой. В 6 погребениях были обнаружены различные вещи. Прежде всего отметим три находки костей барана, что говорит, очевидно, о наличии и на Алтае в афанасьевскую эпоху скотоводства. Найдена также посуда—9 яйцевидных горшков, так же как и афанасьевские Енисея, украшенных елочным орнаментом или «вытертых» зубчатой лопаточкой или комком травы. Некоторые из них несколько отличаются наличием довольно высокой прямой или даже расширенной сверху шейки. Очевидно,—это местная особенность, так же, как и наличие у двух сосудов ушков. Кроме того, найдено костяное шило и рукоятка для пластинчатого медного ножа. Последний отличается и от афанасьевских Енисея и от близких к ним катакомбных из восточноевропейских степей. Он имеет для скрепления с рукояткой черенок, выступающий не по середине верха клинка, а с одного края на одной линии с клинковой спинкой (рис. 1а). Эта особенность, а также округлость нижней части клинковой пластины сближает куюмский нож с так называемым «казахстанским» конца бронзового века Западной Сибири². Может быть, подобные ножи были в свое время предшественниками «казахстанских». Во всяком случае в этой форме ножа можно видеть еще одно указание на юго-западные связи афанасьевцев Саяно-Алтайского нагорья.

Большой удачей Г. П. Сосновского следует считать открытие на территории Куюмских курганов остатков древнего поселения.

¹ «Археологические исследования в РСФСР 1934—36 гг.», Л., 1941, стр. 304—306.

² А. И. Г р я з н о в, Казахстанский очаг бронзової культуры, сб. «Казахи», вып. III, 1930, рис. 3, стр. 155.

Верхний слой этого поселка близок курганам. Он содержит типично афанасьевскую керамику, кремневые пластинки, наконечники стрел и кости животных (рис 16).

Нижний слой, отделенный от верхнего 20-см стерильного наноса, содержит более архаичные остатки: каменные скребки, нуклеидные орудия, ножевидные пластинки с ретушью по краю, фрагмент костяного оружия, сделанного вкладышевой техникой, (в его желобке оказалась кремневая пластинка). Керамика отличалась и по орнаменту и по технике. Особенно показателен в этом отношении большой сосуд, украшенный вертикальной елочкой. Стенки его, в отличие от афанасьевских, тщательно заглажены. «Вытортости» нет и следа. Эту керамику, присоединяя к ней некоторые случайные находки, можно сближать с открытой в 1939 г. С. П. Толстовым посудой так называемой кельтоминарской культуры дометаллического Хорезма. С Кельтоминаром нижний слой куюмской стоянки сближают и совпадения в кремневой индустрии, особенно ножевидная пластинка с боковой ретушью, нуклеидные орудия и скребки¹.

Таким образом, на Алтае доафанасьевский неолитический период представляется весьма сложным. С одной стороны, его культура обладает чертами сибирского неолита (Чудакская гора), а с другой—обнаруживает связи с юго-западом, со Средней Азией. Эти связи не прекращаются и позднее.

В горном Алтае, на восточном берегу реки Куроты, в 15 километрах от ее впадения в р. Урсул, нам удалось обнаружить афанасьевские курганы, отображающие продолжение того развития, которое зафиксировали исследования в Куюме.

Здесь все 9 курганов земляные, но на них выложены из камня круги. В одном случае было два концентрических круга (кург. № 2). Кроме курганов, здесь же расположены 3 каменных кольцевых выкладки. Мы раскопали 7 курганов и 2 кольца.

В кургане № 1 на горизонте было обнаружено своеобразное сооружение из лиственничных бревен и палок. Центр его составлял сильно сгнивший, провалившийся вниз накат, покрывавший могильную яму. Пространство с могилой в центре было огорожено рамой из длинных бревен, лежавших, образуя прямые углы друг к другу, на северной, восточной и южной сторонах. Западная сторона огорожки не была прямой, но состояла из двух бревен, сходящихся друг с другом под тупым углом, обращенным вершиной к западу. Таким образом, все сооружение имело пятиугольный план. Следует также отметить, что в вершине тупого угла лежал очень большой камень, пригнанный с горы.

Наличие в первом кургане многоугольной ограды из бревен должно обратить на себя внимание. Как и накат над могилой, ограда указывает на конструктивное использование дерева. Погребальные сооружения часто воспроизводят формы жилища. Позднее в майомирское и пазырыкское время деревянные дома-склены были широко распространены. Может быть, здесь мы имеем их первичную форму.

Другие курганы не имели подобных сооружений. Только в № 9 были замечены остатки наката. Могильная яма № 7 была плотно закрыта массивными плитами. Могильные ямы в плане были четырехугольные со скругленными углами². Остатков сооружений внутри могильной ямы наблюдается не было.

¹ Некоторые вещи Кельтоминара см. С. П. Толстов, Хорезмская экспедиция 1939 г., «Краткие сообщения ИИМК», вып. VI, рис. 14, стр. 71, а также ВДИ, 1941, № 1.

² Размеры ям:

к. № 1—дл.	с З.	на В.	2,3 м,	шир.	16 м,	гл.	1,1 м,
к. № 2— »	с С.	» Ю.	2,6 м,	»	2,2 м,	»	1,1 м,
к. № 3— »	с З.	» В.	1,9 м,	»	1,15 м,	»	1,6 м,
к. № 4— »	с ЮЗ	» ВСВ	2,5 м,	»	1,6 м,	»	1,5 м,
к. № 5— »	с »	» »	2,5 м,	»	1,5 м,	»	1,5 м,
к. № 6— »	с З.	» В.	2,8 м,	»	1,5 м,	»	2 м,
к. № 7— »	с ЗСЗ	» ВЮВ	2,25 м,	»	1,7 м,	»	1,25 м,
к. № 8— »	с »	» »	1,3 м,	»	0,75 м,	»	1 м,
к. № 9— »	с З.	» В.	2,2 м,	»	1,5 м,	»	1,4 м.

На грунтовом полу ямы обычно можно было усмотреть тончайшую гуммированную прослойку, возможно, остаток какой-нибудь подстилки. Во многих случаях пол был окрашен красной краской, которой обсыпали покойника.

В большинстве курганов покойники лежали по одному. В одном (№ 9) их оказалось два, в другом (№ 2)—три. Скелеты лежали на спине. Руки были вытянуты вдоль тела,

Рис. 2. Вид погребения в кургане № 4. Урочище Курота (Алтай)

Иногда наблюдался сгиб в кистях, которые как бы были подсунуты под таз. Ноги у пяти покойников были согнуты в коленях и лежали на левом боку. У остальных ноги были также согнуты, но первоначально лежали коленями вверх. Лишь со временем кости упали. Иногда они приняли ромбическое положение, иногда берцовые и бедренные перекрыли друг друга. Кости стопы в большинстве случаев сохранили первоначальное прямое положение (рис. 2). Ориентировка головы была предпочтительно восточная (6 чел. на В. и 1 на ВСВ, на З.—2 чел. на ЗСЗ—2). В парном погребении ориентировка была одина—головой на В., в тройном—два на В. и одно на З. Большинство костяков оказалось окрашенным в интенсивный красный цвет. Краска—тонко растер-

тый минеральный порошок кучками и «брызгами», находилась возле покойников (чаще у левого плеча).

Из вещей отмечу каменную колотушку, лежавшую под коленями покойника из № 3 (рис. 3) и прекрасный пест из № 2 (рис. 4). Оба предмета находят ближайшую аналогию среди «афанасьевских» Минусинской котловины. Остатки медных проволочных височных колец были встречены в ряде случаев, по цельных оказались только 2 (№ 5). Из рога искусно выточен перстень, найденный на пальце правой руки покойника в кургане № 3. Костяные предметы вроде ложечек или лопаточек, возможно, служившие для плетения, оказались в нижней части грабительского хода в кургане № 6. Кости животных весьма редки. В кургане № 6 были найдены кости нижней части ног (копыта и обломок фаланги, повидимому, яка). Кроме того, в том же кургане было встречено 8 когтей беркута. Особый интерес представляет глиняная посуда. Обычное место сосудов в могиле—у плеча или против середины плечевой кости (в Куюме—в ногах и однажды у локтя). Два сосуда оказались яйцевидными. Один из них—типично афанасьевский остродонный (курган № 2—рис. 5); другой же—с плоским дном (курган № 7—рис. 6). Два сосуда—бомбовидных (курган № 2 и № 7—рис. 7). Кроме того, найдена типично афанасьевская вазочка-курильница (курган № 2—рис. 8). Из ограбленных погребений дошли лишь обломки горшков. Все сосуды имеют на стенках характерную афанасьевскую «вытертость». Орнаментация обычно елочная афанасьевская. Кроме того, встретился узор из квадратных вдавлений и полукруглые резные фестоны. Последние два узора необычны для афанасьевской керамики, но мы видим их на кельтоминарской. Особо следует остановиться на баночном плоскодонном сосуде, украшенном елочным орнаментом из кургана № 4 (рис. 9). Он живо напоминает баночные древнеандроновские горшки из Минусинска, относящиеся к середине II тысячелетия до н. э.¹ Это сближение не случайно. Обращает на себя внимание обломок сосуда из кургана № 1. На нем геометрический орнамент, нанесенный зубчатым чеканом, также живо напоминающий древнеандроновские образцы.

Эти особенности керамики, наряду с наличием (в противоположность Куюму) парных погребений, являются аргументом в пользу большей молодости куротинских афанасьевских курганов. Она особенно интересна тем, что демонстрируют зарождение в афанасьевском комплексе Алтая новых андроновских черт. На Енисее в раннеандроновских погребениях можно видеть продолжение этой связи.

К сожалению, очень ограничены наши сведения о распространении афанасьевских памятников на запад от горного Алтая. Обломки афанасьевских сосудов прослежены лишь по Оби до Барнаула и на Иртыше под Семипалатинском².

Однако можно предполагать и более западное ее распространение. За это говорит, во-первых, наличие в афанасьевском инвентаре признаков связи с ямной и катакомбной культурой, во-вторых—широкое распространение на западе Сибири андроновской культуры, на Алтае очень близко связанной с афанасьевской, и, в-третьих, следы импорта даже на Енисей из Аральского бассейна. Для того чтобы такой импорт был осуществлен, нужно предположить какую-то культурную близость промежуточных звеньев. Вероятнее всего эта близость подкреплялась и близостью физического типа. Вполне возможно и более южное распространение к югу от Семипалатинска. Может быть, за это говорит и родство афанасьевской посуды с керамикой, украшенной сложным орнаментом, которую А. Стейн нашел в низовьях Яркенд-Дарья³.

Подведем итоги. Есть все основания предполагать, а для Саяно-Алтая и утверждать, распространение в степях Западной Сибири, вплоть до Енисея на востоке, в самом начале бронзового века весьма однородной афанасьевской культуры, носите-

¹ СА, № 9, 1947.

² С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, «Материалы по этнографии», т. III, в. 2, Л., 1927, табл. III.

³ За предоставление этих сведений приношу глубокую благодарность С. П. Толстову.

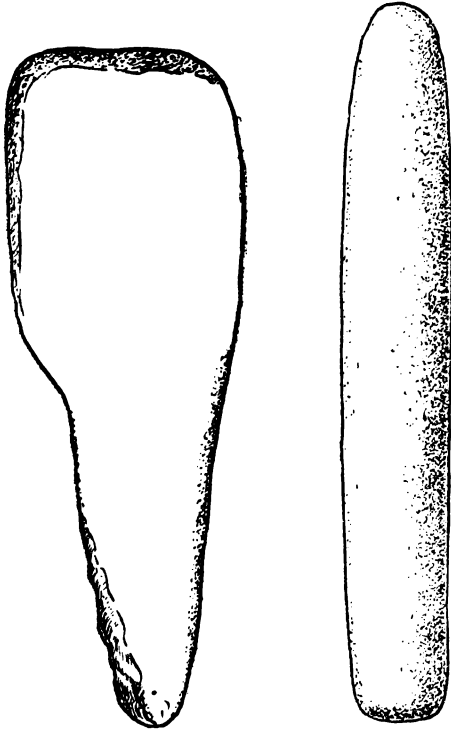

Рис. 3. Каменная колчужка. Курога (Алтай);
1/2 н. в.

Рис. 4. Каменный пест. Курога (Алтай).
1/2 н. в.

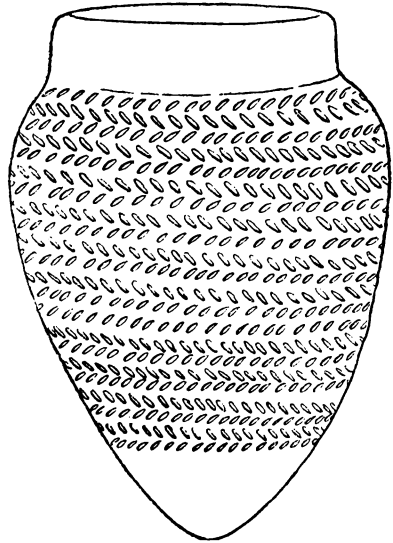

Рис. 5. Сосуд из кургана № 2. Курога (Алтай). 1/3 н. в.

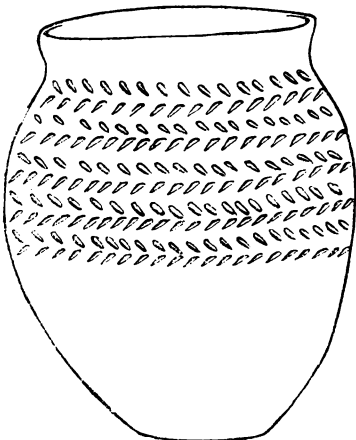

Рис. 6. Сосуд из кургана № 7. Курога (Алтай). 1/3 н. в.

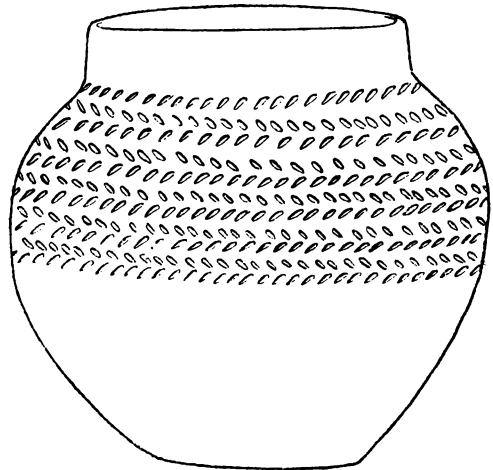

Рис. 7. Сосуд из кургана № 7. Курога (Алтай). 1/3 н. в.

лями которой были племена палеоевропейского типа, знавшие уже, в противоположность таежным охотникам, скотоводство. При самом возникновении афанасьевской культуры заметны отдаленные, главным образом западные, связи, доходившие до Поволжья, может быть, даже до Причерноморья, население которого к тому же было очень близко к афанасьевскому по своему физическому облику.

В формировании афанасьевского комплекса заметно участие и местных поздне-неолитических культур. Однако чистота афанасьевского типа и глубокая древность его не позволяют предполагать, что носителями этой позднеолитической культуры Минусинской котловины и долин Алтая было население, резко отличное от поздней-

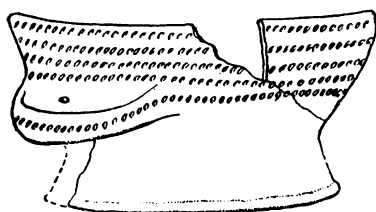

Рис. 8. Сосуд из кургана № 2. Курота (Алтай). 1/3 н. в.

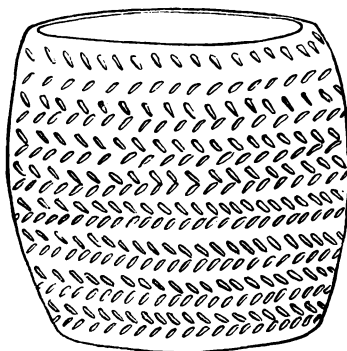

Рис. 9. Сосуд из кургана № 4. Курота (Алтай). 1/3 н. в.

шего (скажем, таежные охотники-монголоиды). Вместе с тем необходимо отметить, что при изучении афанасьевских памятников обнаруживаются связи с югозападом — с энеолитом Средней Азии времени Анау и Суз, который предшествовал афанасьевскому. Такая пережиточность в «Афанасьеве» влияния среднеазиатского энеолита подтверждается обнаруженными в доафанасьевском слое Куюма (Алтай) признаками близости со Средней Азией через кельтоминарскую культуру, в свою очередь связанную с энеолитом типа Анау... Эти факты уводят нас уже в очень отдаленное время, к сожалению, еще очень мало обеспеченное источниками. Указывают ли эти связи со Средней Азией на какие-то этногенетические пути, или европеоиды сибирских степей эпохи позднего неолита и энеолита являются, наряду с населением степей Восточной Европы, потомками охотников кроманьонцев, широко распространившихся здесь еще в очень древние времена, — можно будет решить только после новых археологических работ, главным образом в области неолита Сибири и Средней Азии.

Проф. С. В. Киселев

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Исторический научно-исследовательский институт ЛГУ

Еще в марте 1946 года состоялось решение правительства об организации при Ленинградском университете 4-х научно-исследовательских гуманитарных институтов: исторического, филологического, восточного и института философии, экономики и права. Около года шла подготовительная работа, и в тот момент, когда пишутся эти строки (конец июня 1947 г.), два института: Исторический и Философии—Экономики—Права уже организованы и приступили к работе; два других находятся еще в процессе организации.

Выделение научной работы гуманитарных факультетов и перенесение ее в самостоятельные институты продиктовано стремлением усилить эту работу, так как до сих пор она в общем, стояла на втором плане по сравнению с учебной. С другой стороны, сам принцип существования научно-исследовательских институтов на базе университета является в высшей степени плодотворным, так как единство науки и школы, единство научной и учебно-воспитательной работы чрезвычайно стимулирует и ту и другую. Это показывает практика, это показывает вся история высшей школы.

Исторический институт был полностью сформирован к июню и приступил к работе. Его организационная структура в основных чертах такова. Институт делится на 5 отделов: истории СССР, всеобщей истории, археологии, истории искусств и отдел аспирантуры. Два первых отдела, в свою очередь, распадаются на секторы: истории СССР до XX в., истории СССР XX в. (включая историю партии), древней истории, истории средних веков (включая историю Византии), новой истории (включая историю стран Востока) и истории южных и западных славян. Остальные отделы секторов не имеют. В рамках отделов и секторов образуются временные группы по принципу объединения работников вокруг крупных проблем: группа происхождения славян, группа истории военно-морского флота, группа международных отношений, группа истории Ленинградской партийной организации и др.

В институт входят все штатные работники исторического факультета, поскольку они ведут научную работу. Кроме работников факультета, институт имеет еще некоторое количество старших и младших научных сотрудников, как правило, не ведущих педагогической работы.

Директор института для обсуждения наиболее важных научных и организационных вопросов созывает ученую коллегию, состоящую из ведущих работников института. Ученая коллегия выделяет из своей среды редакционную коллегию. Ученый совет института—общий с советом факультета.

Задачи и перспективы Исторического института на ближайшие годы определяются наиболее актуальными проблемами, которые стоят перед советской исторической наукой. К числу их относятся: разработка истории СССР советского периода истории славян, новой истории Западной Европы, Америки и стран Востока, истории массовых народных движений, марксистского искусствознания и др.

Одним из слабых участков исторического фронта является отсутствие в планах наших научно-исследовательских учреждений больших коллективных и комплексных тем. Там же, где они существуют, они носят внешний характер, являясь, в сущности, не коллективными темами, а крупными отделами истории. В нашем институте мы стремимся построить основную работу на принципе реальной коллективной и комплексной тематики, которая будет осуществляться, как было сказано выше, группами научных работников.

В связи с этим находится другое: полное отсутствие координации в работе научно-исследовательских исторических учреждений. В Ленинграде, кроме нашего института, историческую работу ведут ЛОИИ, ЛОИИМК, Эрмитаж, Академия Художеств, а также ряд вузов, музеев и архивов. Работа эта никак не координирована, в результате чего получается параллелизм тем, невозможность постановки крупных коллективных работ и др. Было бы целесообразно, если бы какое-нибудь из крупных исторических учреждений Ленинграда взяло на себя инициативу координации исторической работы в городском масштабе. Быть может, удобнее всего было бы это сделать Историческому институту Ленинградского университета, объединившему всех крупных ленинградских историков. При выработке плана научно-исследовательской работы на 1948 г., мы, во всяком случае, предполагали такую попытку сделать.

Что потребность объединения у ленинградских историков существует, показали первые шаги нового института. В течение июня месяца было организовано несколько открытых заседаний, привлечших многочисленных гостей. Из таких заседаний, нужно отметить обсуждение книги проф. В. В. Мавродина «Образование древнерусского государства» (сектор истории СССР до XX в.), доклад проф. Н. П. Полетика «Формирование первых империалистических блоков» (сектор новой истории) и доклад

доц. К. М. Колобовой «Дафны и Навкратис» (сектор древней истории). Особенно большой интерес среди историков Ленинграда вызвало первое общее собрание института состоявшееся 21 июня, на котором стояли доклады директора института «Задачи и перспективы научно-исследовательской работы института в 1946—1950 гг.», проф. В. В. Мавродина «Формирование русской нации» и проф. Н. А. Корнатовского «Курская битва».

Проф. С. И. Ковалев

Сектор древней истории Института истории АН СССР

В соответствии с пятилетним планом Института истории АН СССР сектор древней истории продолжает исследование проблем истории эллинизма и восточных и западных провинций Римской империи. При изучении этих проблем особое внимание обращается на решение важнейших теоретических вопросов: вопроса о социально-экономической природе эллинизма и вопроса о значении местных особенностей в развитии римских провинций для истории античного мира в целом. В ходе этой исследовательской работы сотрудники Сектора обращают особое внимание на вопросы борьбы против антинаучных концепций буржуазной историографии; в ряде случаев новая интерпретация первоисточников позволила сотрудникам сектора нанести решительные удары по общепризнанным в западной науке буржуазным концепциям, например, решение вопроса о характере земельной собственности на эллинистическом Востоке, данное А. Б. Рановичем, представляет собой окончательное опровержение теории о существовании феодальной зависимости в странах эллинизма. Две монографии сектора, посвященные этим проблемам, были закончены в предшествующем году (А. Б. Рановича и А. В. Мишулина). В 1947 году А. В. Мишулин начал работу над монографией: «Античная Испания под властью Рима» и к концу года заканчивает работу над первой главой этой работы: «Источники по истории Кельтиберийских войн 197—179 гг. до н. э.».

Работа А. В. Мишулина ставит себе целью исследовать процесс завоевания Испании Римом, развития в ней провинциального римского управления, введения режима порабощения туземного населения и историю борьбы этого населения против римских завоевателей.

А. Б. Ранович закончил работу над новой монографией—«История эллинизма». В этой работе А. Б. Ранович стремился вскрыть социально-экономические основы эллинизма, как нового важного этапа в истории рабовладельческого общества, дать картину классово-борьбы в эллинистических странах, показать роль эллинизма в истории культуры. В частности, большое внимание уделяется истории общественных идей, возникших в этот период.

Н. А. Машкин, продолжая работу над обширной монографией—«Северная Африка в римское время», закончил работу над двумя первыми главами: «Природные условия» и «Римская Африка накануне римского завоевания». В настоящее время Н. А. Машкиным подготовлено около половины его монографии (18 п. л.). Эта часть работы включает следующие главы: 1) Предмет исследования и обзор источников, 2) Распространение римского гражданства в африканских провинциях, 3) Городской строй Римской Африки во II и III вв., 4) Кризис III в. в Римской Африке, 5) Социальные движения эпохи поздней Империи, и две главы, упомянутые выше.

О. И. Севастьянова в текущем году закончила работу над монографией «Греческие города и социальные движения во время Митридатских войн». Эта монография, посвященная малоисследованным вопросам истории восточной периферии Римского государства, затрагивает ряд проблем, имеющих важное значение для решения вопроса о причинах возникновения «мировой» Римской империи, а также для истории Боспорского царства. О. И. Севастьянова показала в этой работе, что основное содержание социальной борьбы в малоазийских городах составляла борьба рабовладельческой демократии и олигархии, переплетавшаяся с антиримским движением. Одной из при-